

Лондон Джек

Как я стал социалистом

Статья
Перевод с английского Н. Банникова

Я ничуть не отступлю от истины, если скажу, что я стал социалистом примерно таким же путем, каким язычники-тевтоны стали христианами, социализм в меня вколотили. Во времена моего обращения я не только не стремился к социализму, но даже противился ему. Я был очень молод и наивен, в достаточной мере невежествен и от всего сердца слагал гимны сильной личности, хотя никогда и не слышал о так называемом "индивидуализме".

Я слагал гимны силе потому, что я сам был силен. Иными словами, у меня было отличное здоровье и крепкие мускулы. И не удивительно - ведь раннее детство я провел на ранчо в Калифорнии, мальчиком продавал газеты на улицах западного города с прекрасным климатом, а в юности дышал озоном бухты Сан-Франциско и Тихого океана. Я любил жизнь на открытом воздухе, под открытым небом я работал, причем брался за самую тяжелую работу. Не обученный никакому ремеслу, переходя от одной случайной работы к другой, я бодро взирал на мир и считал, что все в нем чудесно, все до конца. Повторяю, я был полон оптимизма, ибо у меня было здоровье и сила; я не ведал ни болезней, ни слабости, ни один хозяин не отверг бы меня, сочтя непригодным; во всякое время я мог найти себе дело: сгребать уголь, плавать на корабле матросом, приняться за любой физический труд.

И вот потому-то, в радостном упоении молодостью, умея постоять за себя и в труде и в драке, я был неудержимым индивидуалистом. И это естественно: ведь я был победителем. А посему - справедливо или несправедливо - жизнь я называл игрой, игрой, достойной мужчины. Для меня быть человеком значило быть мужчиной, мужчиной с большой буквы. Идти навстречу приключениям, как мужчина, сражаться, как мужчина, работать, как мужчина (хотя бы за плату подростка), - вот что увлекало меня, вот что владело всем моим сердцем. И, вглядываясь в туманные дали беспредельного будущего, я собирался продолжать все ту же, как я именовал ее, мужскую игру, - странствовать по жизни во всеоружии неистощимого здоровья и неслабеющих мускулов, застрахованным от всяких бед. Да, будущее рисовалось мне беспредельным. Я представлял себе, что так и стану без конца рыскать по свету "белокурой бестией" Ницше и одерживать победы, упиваясь своей силой, своим превосходством.

Что касается неудачников, больных, хилых, старых, калек, то, признаться, я мало думал о них; я лишь смутно ощущал, что, не случись с ними беды, каждый из них при желании был бы не хуже меня и работал бы с таким же успехом. Несчастный случай? Но это уж судьба, а слово судьба я тоже писал с большой буквы: от судьбы не уйдешь. Под Ватерлоо судьба надсмеялась над Наполеоном, однако это не умаляло моего желания стать новым Наполеоном. Да к тому же оптимизм железного желудка, способного переваривать гвозди, оптимизм несокрушимого здоровья, только

крепнувшего от невзгод, и помыслить мне не позволял о том, что с моей драгоценной особой может стрястись какая-то беда.

Надеюсь, я достаточно ясно дал понять, как я гордился тем, что принадлежу к числу особо избранных и щедро одаренных натур. Благородство труда - вот что пленяло меня больше всего на свете. Еще не читая ни Карлейля, ни Киплинга, я начертал собственное евангелие труда, перед которым меркло их евангелие. Труд - это все. Труд - это и оправдание и спасение. Вам не понять того чувства гордости, какое испытывал я после тяжелого дня работы, когда дело спорилось у меня в руках. Теперь, оглядываясь назад, я и сам не понимаю этого чувства. Я был наиболее преданным из всех наемных рабов, каких когда-либо эксплуатировали капиталисты. Ленишься или уваливать от работы на человека, который мне платит, я считал грехом - грехом, во-первых, по отношению к себе и, во-вторых, по отношению к хозяину. Это было, как мне казалось, почти столь же тяжким преступлением, как измена, и столь же позорным.

Короче говоря, мой жизнерадостный индивидуализм был в плену у ортодоксальной буржуазной морали. Я читал буржуазные газеты, слушал буржуазных проповедников и восторженно аплодировал трескучим фразам буржуазных политических деятелей. Не сомневаюсь, что, если бы обстоятельства не направили мою жизнь по другому руслу, я попал бы в ряды профессиональных штрейкбрехеров и какой-нибудь особо активный член профсоюза раскрыл бы мне череп дубинкой и переломал руки, навсегда оставив беспомощным калекой.

Как раз в то время я возвратился из семимесячного плавания матросом, мне только что минуло восемнадцать лет и я принял решение пойти бродяжить. С запада, где люди в цене и где работа сама ищет человека, я то на крыше вагона, то на тормозах добрался до перенаселенных рабочих центров Востока, где люди - что пыль под колесами, где все высуня язык мечутся в поисках работы. Это новое странствие в духе "белокурой бестии" заставило меня взглянуть на жизнь с другой, совершенно новой точки зрения. Я уже не был пролетарием, я, по излюбленному выражению социологов, опустился "на дно", и я был потрясен, узнав те пути, которыми люди сюда попадают.

Я встретил здесь самых разнообразных людей, многие из них были в прошлом такими же молодцами, как я, такими же "белокуроыми бестиями", этих матросов, солдат, рабочих смял, искалечил, лишил человеческого облика тяжелый труд и вечно подстерегающее несчастье, а хозяева бросили их, как старых кляч, на произвол судьбы. Вместе с ними я обивал чужие пороги, дрожал от стужи в товарных вагонах и городских парках. И я слушал их рассказы: свою жизнь они начинали не хуже меня, желудки и мускулы у них были когда-то такие же крепкие, а то и покрепче, чем у меня, однако они заканчивали свои дни здесь, перед моими глазами, на человеческой свалке, на дне социальной пропасти.

Я слушал их рассказы, и мозг мой начал работать. Мне стали очень близки судьбы уличных женщин и бездомных мужчин. Я увидел социальную пропасть так ясно, словно это был какой-то конкретный, осязаемый предмет; глубоко внизу я видел всех этих людей, а чуть повыше видел себя, из последних сил цепляющегося за ее скользкие стены. Не скрою, меня охватил страх. Что будет, когда мои силы сдадут? Когда я уже не смогу работать плечо к плечу с теми сильными людьми, которые сейчас еще только ждут своего рождения? И тогда я дал великую клятву. Она звучала примерно так: "Все дни своей жизни я выполнял тяжелую физическую работу, и

каждый день этой работы толкал меня все ближе к пропасти. Я выберусь из пропасти, но выберусь не силой своих мускулов. Я не стану больше работать физически: да поразит меня господь, если я когда-либо вновь возьмусь за тяжелый труд, буду работать руками больше, чем это абсолютно необходимо". С тех пор я всегда бежал от тяжелого физического труда.

Однажды, пройдя около десяти тысяч миль по Соединенным Штатам и Канаде, я попал к Ниагарскому водопаду и здесь был арестован полицейским, который хотел на этом заработать. Мне не дали и рта раскрыть в свое оправдание, тут же приговорили к тридцати дням заключения за отсутствие постоянного местожительства и видимых средств к существованию, надели на меня наручники, сковали общей цепью с группой таких же горемык, как и я, отвезли в Буффало, где определили в исправительную тюрьму округа Эри, начисто сбрили мне волосы и пробивающиеся усы, одели в полосатую одежду арестанта, сдали студенту-медику, который на таких, как я, учился прививать оспу, поставили в шеренгу и принудили работать под надзором часовых, вооруженных винчестерами, - все это лишь за то, что я отправился на поиски приключений в духе "белокурой бестии". О дальнейших подробностях свидетель в своих показаниях умалчивает, он только дает понять, что его страстный американский патриотизм с тех пор изрядно поветрился или, пожалуй, и совсем улетучился, во всяком случае, после всех этих испытаний для него гораздо больше стали значить живые мужчины, женщины и дети, чем какие-то условные границы на географической карте.

Но вернемся к моему обращению. Теперь, я полагаю, всякому видно, что мой неудержимый индивидуализм был весьма успешно выбит из меня и что столь же успешно в меня вколотили нечто другое. Но точно так же, как я не знал, что был индивидуалистом, так теперь неведомо для себя я стал социалистом, весьма далеким, конечно, от социализма научного. Я родился заново, но, не будучи заново крещен, продолжал странствовать по свету, стараясь понять, что же в конце концов я такое. Но вот я возвратился в Калифорнию и засел за книги. Не помню, какую книгу я раскрыл первой, да это, пожалуй, и неважно. Я уже был тем, чем был, и книги лишь объяснили мне, что это такое, а именно, что я социалист. С тех пор я прочел немало книг, но ни один экономический или логический довод, ни одно самое убедительное свидетельство неизбежности социализма не оказало на меня того глубокого воздействия, какое я испытал в тот день, когда впервые увидел вокруг себя стены социальной пропасти и почувствовал, что начинаю скользить вниз, вниз - на самое ее дно.